

Не любят у нас Княжьего Леса, нет, не любят. А всё потому, что место там страшное, заколдованное. Вот уже больше ста лет народ боится ходить туда.

Как подойдёшь к Лесу-то Князьему — увидишь старую дорогу. Одно название, что дорога: всё заросло, завалило обломками деревьев, изъеденных червями и расщеплённых грозой. Слева от дороги — ветхая сторожка, вся заросшая диким виноградом. Только очень внимательный разглядит под листвой кирпичную стену. Штукатурки на кирпичках давно нет, обвалилась вся. Нечистое это место и дикое...

А если подойти к сторожке вечером, когда уже смеркаться начнёт, то можно увидеть, как из её оконца свет пробивается. Редкий человек отважится подойти к ней в темноте — среди бела-то дня жуть берёт. Из местных — смельчаков не находилось. Никто не хотел пропадать даром.

Прослышал про гиблое место присланный учитель Алексей Иванович.

— Не боюсь, — сказал он, — глупых суеверий. Желая провести научное исследование. Никаких призраков не существует, есть только явления природы.

И вот, как солнце покатилося за Княжий Лес, собрался он идти к холму, на котором Лес растёт, к заросшей дороге и таинственному домику. Отговаривали его старики всем селом, да он только упорнее становился. Делать нечего, дали ему на прощание советы и проводили с Богом.

К сторожке молодой учитель подошёл уже затемно, хотя и вышел из дому с приличным запасом времени. Действительно, из окошка сочился звенящий голубой свет. Страх охватил Алексея Ивановича, даже сердце заколотилось. Но устыдился он своей слабости и сказал себе:

— Чего это я испугался? Нет, как хотите, а я эту загадку разъясню, клянусь таблицей Менделеева!

Подошёл к оконцу, листья раздвинул и заглянул внутрь. Мрак в сторожке разрежался только тусклым пламенем огарка свечи, воткнутого в пузатую глиняную бутылку, всю заплывшую воском. Огонёк высвечивал старую большую кровать, рядом — клавикорды. На столе — ворох бумаг, гусиное перо, бронзовая чернильница с крышкой. Здесь же — открытый полированный ящик, а в нём — пара дуэльных пистолетов.

На красном бархате кровати лежит молодой человек. Белая рубашка с кружевным воротником, чёрные кавалерийские штаны, заправленные в начищенные до блеска сапоги. По виду вроде бы спит, но при этом губы шевелятся, как будто что-то шепчут.

Увидел такую картину Алексей Иванович и обомлел. Уж больно обстановка несовременная, музейная какая-то. Что-то здесь не так. Отошёл он от окна, стал дверь искать. Шуршал-шуршал — еле нашёл. Толкает её туда-сюда, а она не подаётся — видать, давно никто не открывал. Наконец налёг на неё учитель плечом — она и распахнулась. Глянул внутрь — а там пусто! Присмотрелся. Осторожно переступил порог. Под ногами мягко пучился мох. Сторожка оказалась пустой: сыр, паутина, на стенах плесень. Темно, только из маленького оконца свет со двора сочится.

И так жутко ему стало! Разом и про суеверия забыл, и про таблицу Менделеева. Перекрестился, бросился наружу, приник к окну. Что такое? Опять молодой человек лежит на красной кровати, стол, свеча, перо...

Снова побежал Алексей Иванович к двери, зашёл внутрь — одна пыль да паутина. Почуял учитель, как у него волосы на голове шевелятся. И задал он такого стрекача, что до самого нашего Ново-Успенского только пятки сверкали. Бежит мимо магазина, пот градом катится, глаза вот-вот от страха вывалятся. А старики, те самые, которые его отговаривали, на завалинке всё ещё сидят.

— Эй! — кричат. — Лексей Иваныч! Дом свой пробежал. Остановись!

Учитель остановился, а слова вымолвить не может. Стоит посреди улицы, словно по колени в землю вкопанный. Лицо белое, губы дрожат.

Усадили его, кваском холодным отпоили — отошёл человек!

— Ну, расскажи толком, что случилось? — видя, что он пришёл в себя, попросили старики.

Учитель всё как на духу рассказал.

Старый-престарый дедушка Фёдор Терентьич (весь седой, еле ноги таскает) покачал головой, причмокнул полуживыми губами и произнёс:

— Вот и выходит, братцы, что Княжий Лес — место нечистое. И стало быть, история про Старого Князя — не сказка, а самая что ни на есть быль.

Тут, конечно, все стали просить: расскажи, мол, про Старого Князя. Эту историю у нас всякий слышал, но всегда хочется подробнее знать. И вот что старый Терентьич рассказал.

— Давным-давно — я ещё ребёнком был — рассказывали мне покойные отец с матушкой о том, как жил в наших местах князь Яворский. Дворец его располагался как раз на вершине холма, в Князьем Лесу. Тогда, конечно, не было таких зарослей. Прямые дороги вели к подъезду. Домина огромный — окон в шестьдесят, крыльцо с десятью белокаменными колоннами. Службы рядом — словно целый город. Тут тебе и оранжерея, и театр, и конюшня, и псарня. И ведь какая мастерская работа: камень резной, филёнки, окна выше человеческого росту, в аллеях — статуи! Всё вроде бы есть для роскошной жизни. Но даже в самую цветущую пору так было грустно и тоскливо здесь, что никакими словами не описать.

Княжеская дворня в трудах не убивалась, жила вольготно. И при этом никто хозяина не любил. Все боялись! Чем дальше, тем больше шёл по земле слух, что Князь наш — то ли упырь, то ли колдун, то ли то и другое вместе. А уж страшон был — сил нет. Ростом маленький, голова лысая, глаза жёлтые, усы какие-то грязно-серые, аж зеленцой отдают, а на загривке шерсть растёт, как у волка-оборотня, даже из-под воротника рубашки выпирает.

Были у него две жены, обе молодые, обе красавицы, и обеих он пережил и схоронил в своей Успенской церкви. А уж церква-то эта... Одно слово, что церква, а глубже копнуть — так самое поганое место. Вся как есть исчеркана какими-то знаками, гиегроглифы называются. А уж иконы-то... Не образа — соблазн один. Глядят, ухмыляются, будто сейчас подмигнут. И ведь не хотели храм освящать; уж не знаю, как Князь заставил правящего архиерея, какие тыщи заплатил, чтоб тот согласился освятить престол.

И священник-то подобрался такой же поганец, как и хозяин: Великим постом, говорят, мясо ел. Ну, знамо дело, крестьяне в ту церкву ни ногой. У нас в селе храм хоть и старый, хоть и деревянный, и беден, и тесноват, да уж зато православный.

Странная жизнь была в княжеском дворце. Что праздник, что будний день — почитай каждый вечер — музыка, танцы, пир горой, в окнах свет стоит, точно белым днём. Актёров приглашали: Князь без театра прямо жить не мог — бесовская потеха!

И вот однажды приехали актёры. Дали представление и отправились своей дорогой. А двое остались: одна актёрка, необыкновенной красоты девица — высокая, статная, золотоволосая и светлолицая, в длинном голубом платье с красным поясом, и жених её, отставной офицер. Он был тоже хоть куда. Стишки всё писал да следом за ней ездил. Ни минуты без неё прожить не мог. Куда она, туда и он. Вот как раньше любили. А стихи какие писал! Жалко, старый стал, не помню, а по молодости, бывало, наизусть учил по тем листочкам, что дворня нам в село приносила. Стишки всё больше про несчастную любовь, жалостливые до невозможности. Прочитаешь — и сердце замрёт, а на глаза слёзы наворачиваются.

Актёрка (Виолеттой её звали, имя какое-то не нашенское) шибко приглянулась Князю. «У вас, милочка, — уговаривал Виолетту, — талант. Вы не должны его по балаганам разменивать. Оставайтесь в моём театре, вы здесь будете настоящей звездой».

Одним словом, осталась она и поселилась со своим поэтом в той самой сторожке у дороги. Ладно жили. Но долго ли, коротко ли, а на-

чал Князь под актёрку подлаживаться. Стукнул ему бес в ребро, страсть распалилась. Дорогими нарядами да драгоценностями всю осыпал! Простудилась она — так он из самого стольного града ей лучших докторов вызвал! Пылинки с неё сдувал. «Вы моя царица, — говорит, — жить без вас не в состоянии! Будьте моей женой!»

Он, конечно, и старый, и страшный, а легко ли девушке отказать, когда такое богатство само в руки идёт? Ведь и деньги, и дворец — всё должно ей достаться вскорости. А что ей мог поэт предложить? Свои стихи, кусок хлеба да стакан вина, и то не всегда. В общем, согласилась, бедная. Уж не знаю, какими правдами и неправдами, а выхлопотал старик разрешение на третий брак, обвенчались они в княжеской церкви, сыграли свадьбу...

Жизнь, конечно, невесёлая пошла. Виолетта со своим упырём мучается, а поэт в сторожке заперся, лежит, сердце его на части рвётся, красным вином тоску заливает и стихи сочиняет. Наладился он своей подруге стихи передавать. Та прочтёт — и плачет, плачет... А как наплачется — письмецо ему напишет. Тот тоже ей в ответ: мол, если бы мне сейчас предложили возложить всё, что я сочинил и собираюсь сочинить, на одну чашу весов, а на другую — моё желание навсегда быть вместе с тобой, желанной и осязаемой, — вторая бы чаша перевесила.

В общем, любовь действительно перетянула, и они стали тайком встречаться. Завертело, закрутило их обоих. Виолетта совсем голову потеряла от любви. Ждёт не дожждётся вечера. Через своих людей письма ему передаёт. В них только одно и пишет: «Здравствуй, мой любимый, милый и ласковый! Я очень по тебе скучаю. Жду вечера, когда мы снова будем вместе. Ты обнимешь меня, погладишь мои волосы и поцелуешь. А у меня что-то сожмётся внутри, и я прижмусь к тебе всем телом. Задрожат мои коленочки, губы зашепчут бессвязное-ласковое в благодарность за то удовольствие, что ты мне даришь...»

Но вот однажды Старый Князь перехватил такое письмо. Прочитал — и разгорелся чёрной злобой, потёк ядом: «Заговор устроили?! Смерти моей хотите?! Так не быть вам вместе! Вечно будете вы друг друга искать и не найдёте, и не встретитесь, не соединитесь, доколе бел-горюч камень с моим знаком чёрной водой не укроется!»

Сказал так — и сделал заклятье, заколдовал жену свою и несчастного поэта.

Прошло невесть сколько времени... Давно уже сошёл в землю старый колдун, дворец разрушился, развалились и театр, и оранжерея, и псарня. А после революции и вовсе Княжий Лес без хозяев остался. Весь холм зарос, бесовская церковь в руины обратилась, прежняя дорога покрылась деревьями да кустами, и сторожка вся заросла...

Но говорят, что по ночам среди страшных стен, там, где прежде были роскошные залы, ходит женщина в голубом платье с красным поясом. И не может она добраться к любимому, плутает в здешних развалинах.

А поэт до сей поры живёт в сторожке у холма, лежит на красной кровати, пьёт терпкое вино и пишет стихи. И не может он выйти наружу, потому что сторожка его заколдована. Откроет дверь, шагнёт за порог — и тут же оказывается на прежнем месте, в своей комнате.

И вечно так будет, пока бел-горюч камень с княжеским знаком не покроет чёрная вода.

Когда Алексей Иванович рассказал эту историю супруге своей, Марии Александровне, та задумалась. День думала, два думала, а на третий собрала пятерых своих учеников, которые посмелей да помышлённей, и повела их в Княжий Лес.

И представляете, зачем пошли? Искать бел-горюч камень. Целую неделю ходят-бродят, ничего найти не могут. Все уже удивляться начали: «Чудит Мария Александровна. Как можно в таких зарослях что-то найти? Разве что лоб себе найдёшь: треснешься обо что-нибудь да шею свернёшь»!

Однако женщины, знамо дело, народ упорный и настойчивый. Как вобьют себе что в голову — нипочём потом не выколотишь. Да и то сказать — уж очень жалко ей стало актёрку с поэтом.

И вот на седьмой день, около полудня, когда солнце стало даже сквозь деревья припекать, подошла учительница со своей ватагой к Успенской колокольне с умолкшими давно курантами. Тут один из её учеников и говорит:

— Смотрите-ка, Мария Александровна, вот могила Старого Князя.

Глянула она, видит — высокий памятник из белого мрамора, на нём чудная какая-то надпись не по-нашему и княжеский герб. И тут её как обожгло: вот же ведь этот бел-горюч камень!

— А ну-ка, — говорит, — ребятки, давайте сюда верёвку!

Обмотали они плиту верёвкой и только дёрнули — памятник будто сам собой поехал да и покатился с обрыва — бух! бух! бух! И внизу раздалось гулко и страшно: бу-ух! Это упал камень в старый пруд под горой, чёрный, весь заросший.

И тут же удар грома раздался, словно гроза началась. А вслед за ним на Успенской колокольне колокол курантов отмерил шестой вечерний час. И все, кто стоял рядом, увидели, как в одном из окон церкви промелькнула женская фигура в голубом платье с красным поясом. А дверь сторожки распахнулась, и из неё выбежал молодой мужчина в белой рубашке и чёрных кавалерийских штанах, побежал к церкви, пригибая голову под ветвями старых деревьев. Дверь церкви оказалась запертой, и он, не мешкая, нырнул в тёмный проём нижнего окна. Через окна было видно, как он бежал по дряхлой лестнице, вытянув вперёд руки. И звенел, колотясь о холодные стены, его сильный голос:

— Виолетта-а-а!

Снова грянул гром, и через несколько минут из окна восточной стороны церкви выпорхнули два белых голубя и, набирая высоту, пропали в розовых облаках.

Тем же вечером — хотите верьте, хотите нет — рухнула и совсем развалилась сторожка у старой дороги. А женщину в голубом платье с красным поясом и мужчину в белой рубашке с тех пор никто не видел.

Но и сейчас из Ново-Успенского в Княжий Лес никто не ходит. Не любят у нас Княжьего Леса, нет, не любят.